М. С. Колосович

**НОРМАТИВНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ СРЕДСТВ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЛАСНОСТИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА
ПЕРИОДА СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА**

Правовая система формировавшегося советского государства в целом и гласность судебного разбирательства в частности характеризовались недостаточной степенью выраженности их нормативной регламентации. Этот дефицит восполнялся революционным правосознанием, в соответствии с которым судебное разбирательство по умолчанию осуществлялось открыто, в присутствии и с участием общественности. Впервые после Октября 1917 г. гласность судебного разбирательства и пределы ее действия получили свое процессуальное закрепление лишь в УПК РСФСР 1922 г.

Анализ действовавшего в то время законодательства и правоприменительной практики позволил к средствам реализации гласности судебного разбирательства рассматриваемого исторического периода отнести: 1) публичность судебного заседания и оглашения приговора суда; 2) выездные судебные заседания; 3) опубликование в прессе приговоров, отчетов и материалов судебных заседаний; 4) постановочные судебные заседания.

К сожалению, в соответствии с ведомственными предписаниями, по факту получившими определенный приоритет перед нормами УПК, активно применялась вторая форма уголовного судопроизводства, называемая ее современниками упрощенной, а автором репрессивной. Несмотря на отсутствие в ведомственных актах прямого отрицания гласности, места для ее реализации в репрессивном судопроизводстве не нашлось.

Ключевые слова: средства обеспечения гласности судебного разбирательства, общее судопроизводство, репрессивное судопроизводство.

M. S. Kolosovich

**NORMATIVE REGULATION OF THE MEANS
OF ENSURING THE PUBLICITY OF THE TRIAL
WHILE FORMING THE SOVIET STATE**

While forming the legal system of the Soviet state in general, and the publicity of the trial, in particular, are characterized by a lack of intensity of their normative regulation. The existed deficit was replenished by the revolutionary legal consciousness according to which the proceedings in default was carried out openly, in the presence and with the participation of the public. For the first time since October 1917 the publicity of the trial and the limits of its action have received their procedural fixation only in the Criminal Procedural Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic in 1922.

The analysis of that-period-legislation and law practice allows considering the means of the publicity of the court proceedings of that historical period the following: 1) publicity of the court hearing and the announcement of the court verdict; 2) coming out court hearings (court sessions); 3) press publications of sentences, reports and materials of court sessions; 4) imitated court hearings (court sessions).

Unfortunately, in accordance with the departmental regulations that got certain precedence over the norms of the Criminal Procedural Code in fact, the second form of the criminal proceedings was actively used called simplified by its contemporaries, and a repressive one — by the author of this article. Despite the absence of its direct negation in the departmental acts, the publicity was never implemented in the repressive proceedings.

Key words: means of ensuring publicity of the trial, general proceedings, repressive proceedings.

Результатом Октябрьской революции 1917 г. стало упразднение юстиции Российской империи и принятие новых нормативных актов, регламентирующих деятельность правоохранительных органов зарождающегося советского государства. Вновь сформированная

система правосудия, в соответствии с пп. 2 и 8 Декрета «О суде» [1], а позже п. 4 ст. II Руководящих начал по уголовному праву РСФСР [2], состояла из двух организационно друг от друга независимых органов — местных народных судов и революционных трибуналов. В своей деятельности

новые суды в условиях правового дефицита должны были руководствоваться революционным правосознанием или не противоречащими ему законами (п. 5 Декрета «О суде»), к числу которых был отнесен и Устав уголовного судопроизводства [3, с. 215—306] (ст. 8 Декрета «О суде» № 2 [4], Положение «О фронтовых полковых (отрядных) местных судах» [5]).

Право применения законодательства Российской империи носило декларативный характер, поскольку, по мнению некоторых ученых [6, с. 3, 7], новые суды предпочитали старому праву революционное правосознание, а также «местное право», конкретизирующее общие положения декретов и заполняющее образовавшиеся пробелы осуществления правосудия. Забытая в первом, втором и третьем [8] декретах о суде, а также в Положении «О фронтовых полковых (отрядных) местных судах», гласность судопроизводства (несмотря на свою детальную регламентацию в ст. 88, 127, 156, 620, 884, 900, 918, 926 Устава уголовного судопроизводства) получила свою реализацию в актах местного самоуправления губерний.

Так, в 1917 г. в Петроградском военном округе был создан гласный товарищеский суд (Приказ от 3 декабря 1917 г. № 13 [9]), а в соответствии с «Инструкцией устройства суда на местах», утвержденной 15 апреля 1918 г. Исполнительным Комитетом Шенкурского уездного совета крестьянских депутатов Архангельской губернии, была провозглашена публичность всех заседаний суда для граждан и гражданок, достигших 18-летнего возраста, кроме случаев рассмотрения уголовных дел, касающихся женской чести, супружеских и половых взаимоотношений [10, с. 16]. Перечисленные нормы обладали большими правообеспечительными свойствами, чем нормативные предписания советской власти, лишь закрепившие публичность судебного разбирательства.

В целях реализации положений Декрета «О суде» уже в декабре 1917 г. были созданы Революционные трибуналы (Трибуналы), а также Трибуналы печати, рассматривающие дела о преступлениях против советского государства, в том числе посредством использования печати, деятельность которых предписывалось осуществлять в публичном судебном разбирательстве (ст. 6 Инструкции «О Революционном Трибунале Печати» [11]). При этом пределы действия этой публичности не раскрывались.

Отметим, что, несмотря на серьезность дел, подлежащих рассмотрению Трибуналами, требование о публичности заседаний повторялось во всех нормативных актах, регламентирующих их деятельность (ст. 4 Инструкции «О

Революционном Трибунале» [12], п. 7 Декрета «О Революционном Трибунале Печати» [13], ст. 21 Положения «О революционных трибуналах РСФСР» [14], ст. 19 Декрета «О революционных трибуналах» 1919 г. [15], ст. 23 Положения «О Революционных Военных трибуналах» [16] (рассматривающих преступления, совершенные военными служащими Красной Армии в районе военных действий и военнопленными), ст. 18 Декрета «О революционных трибуналах» 1920 г. [17], ст. 2 Положения «О Революционных Военных Железнодорожных Трибуналах» [18]).

Более предметную, однако по-прежнему далекую от совершенства регламентацию, получила гласность судебных разбирательств местных народных судов, ограниченная правом удаления публики из зала судебного разбирательства по постановлению суда (ст. 27 Инструкции «Об организации и действии народных судов» [19], ст. 64 Положения «О народном Суде РСФСР» 1918 г. [20], а затем ст. 66 Положения «О народном Суде РСФСР» 1920 г. [21]). К сожалению, основания и сроки такого удаления не указывались.

Представляется, что характерная для законодательства рассматриваемого периода скромность в регламентации гласности, скорее всего, была обусловлена настроениями общественности, требующей открытости не только в судопроизводстве, но и во всех сферах жизнедеятельности. Современники отмечали [22, с. 113, 114], что в то время действовали, хотя и слабо нормативно закрепленные, но молчаливо воспринятые всеми принципы гласности судопроизводства. Учитывая существующие тенденции, а также сосредоточенность власти на более значимых для нее, однако менее очевидных для общественности проблемах, законодатель не стал утруждать себя детализацией и так не вызывающих споров вопросов.

Особый интерес представляют ст. 21 Положения «О революционных трибуналах РСФСР», ст. 19 Декрета «О революционных трибуналах» 1919 г., ст. 23 Положения «О Революционных Военных трибуналах» и ст. 18 Декрета «О революционных трибуналах» 1920 г., рассматривающие публичность заседания в совокупности с правом обвиняемого присутствовать в судебном разбирательстве, тем самым реализующие «гласность сторон», ранее получившую признание в уголовном процессе Российской империи [23, с. 37; 24, с. 103,104; 25, с. 7; 26, с. 40, 41 и др.], трудах некоторых советских [27, с. 153,154; 28, с. 372; 29, с. 22; 30, с. 151], а затем и российских процессуалистов и означающую «...право обеих сторон присутствовать при проведении

процессуальных действий, знакомиться со всеми материалами дела и делать заявления» [31].

С сожалением отмечаем иное отношение законодателя к судебным разбирательствам политических и военных преступлений, совершенных высшим командованием Красной Армии. Учитывая характер преступления, а также особый социальный статус его субъекта, законодатель посчитал необходимым проигнорировать принцип гласности судебного разбирательства, ограничившись лишь оглашением в средствах массовой информации (СМИ) и «официальных органах соответственных фронтов» принятого Трибуналом решения и информации о его исполнении (п. 8 ст. I, п. 8 ст. II, п. 8 ст. III, п. 8 ст. IV Положения «О Революционных Военных трибуналах» 1919 г. [32]).

Одновременно с местными народными судами и Трибуналами фактически функцию правосудия реализовывал еще один правоохранительный орган советского государства, разрешающий уголовные дела по существу (его решения носили общеобязательный характер). В декабре 1917 г. создается Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) [33]. На начальном этапе образования ее деятельность ограничивалась применением конфискации, выдворением, лишением карточек, опубликованием списков выявленных врагов народа и др. (пп. 3, 4 Постановления «О создании ВЧК»). Со временем эта структура получила практически безграничные полномочия по внесудебному правосудию, которые реализовывались в соответствии с принципом «революционной необходимости». Первым шагом к этому стало принятие Декрета «Социалистическое отечество в опасности!» [34], закрепившего право ВЧК на применение расстрела: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления» (п. 8). В этом же году к праву ВЧК на незамедлительный расстрел преступников добавляется полномочие по их изолированию в концентрационные лагеря и другие места заключения (Постановление «О Красном терроре» [35]). Кроме того, в постановлении указывалось на необходимость опубликования имен всех расстрелянных и оснований применения к ним высшей меры наказания.

В 1919 г. часть полномочий ВЧК с сохранением права расстрела была передана Трибуналам, которые действовали в составе трех человек, а их заседания были публичными и проводились в присутствии обвиняемых. Решение вопросов о вызове или невызове свидетелей, допущении или недопущении защиты и обвинения при рассмотрении дела принималось Трибуналом. При этом последний не был чем-либо связан в определении меры наказания, а сам приговор

обжалованию не подлежал (ст. 3, 4 Постановления «О ВЧК» [36]).

Аналогичные нормы получили свое закрепление в ст. 20 Декрета «О революционных трибуналах» 1919 г. и ст. 21 Положения «О Революционных Военных трибуналах». Участие в судебном заседании свидетелей, экспертов, обвинителя и защитника определялось Трибуналом самостоятельно, исходя из ясности дела, доказанности преступления, необходимости проверки предоставленных показаний или устранения выявленных в них пробелов и противоречий. Признание полноты, категоричности, достоверности и совершенной ясности показаний названных лиц предоставляло Трибуналу право не вызывать их на заседание суда независимо от значимости предоставляемой информации. Ситуацию усугубила и ст. 19 Декрета «О революционных трибуналах» 1920 г., допустившая отказ Трибунала от допроса всех свидетелей по делу в случае убежденности в достаточности выясненных обстоятельств.

Публичность судебного заседания фактически обесценивалась и тогда, когда Трибунал самостоятельно определял необходимость оглашения показаний свидетелей, не вызванных на заседание (ст. 14 Декрета «О революционных трибуналах») либо вызванных, но не явившихся. Следует отметить, что в ситуациях применения данного положения в протоколах лишь делалась отметка об отказе от допроса отсутствующего свидетеля и использовании его письменных показаний, опускалась аргументация принятого решения, а также допустимость ранее данных им показаний в качестве доказательств [37, с. 292—295].

Аналогичным образом решался вопрос и об оглашении или предъявлении в суде уже имеющихся либо вновь приобщенных к делу документов (ст. 19 Декрета «О Революционных Трибуналах» 1920 г., ст. 28 Положения «О Революционных Военных трибуналах»). В условиях отсутствия непосредственности и устности судебного разбирательства возникают сомнения в возможности достижения целей его публичности. Присутствующие в зале лица не способны оценить качество осуществленного расследования и судебного разбирательства, полноту и достоверность собранных по делу доказательств, а соответственно, правомерность и справедливость вынесенного Трибуналом решения.

О декларативности провозглашения гласности уголовного судопроизводства свидетельствует письмо, направленное в 1921 г. В. И. Лениным заместителю председателя ВЧК И. С. Уншлихту, где указывалось на необходимость ограничения гласности Трибуналов с одновременным усилением состава суда людьми, имеющими

связь с ВЧК, а также быстроты и силы их репрессий. Помимо усиления состава суда верными политическому режиму гражданами В. И. Ленин отмечал, что малейшее «увеличение бандитизма и т. п.» должно было повлечь установление военного положения, допускающего расстрел на месте преступления [38, с. 144] без следствия и суда.

Между тем гласность судопроизводства по-прежнему оставалась лозунгом советской власти, а при необходимости ее эффективным орудием. В 1921 г. В. И. Ленин в своем письме председателю Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР П. А. Богданову требовал вынести за пределы ведомства рассмотрение вопроса о волоките, допущенной ВСНХ РСФСР, и назначить гласное судебное разбирательство [39, с. 87].

Комментируя письмо В. И. Ленина, председатель Совнаркома СССР А. Я. Вышинский, отметив классовость советского суда, напомнил о значении гласности, которая заключалась в демонстрации обществу, к каким правонарушениям государство проявляет особую нетерпимость, какие из них гражданин должен осуждать и каких избегать. Достижение данного эффекта было возможно путем сосредоточения внимания общества на наиболее острых моментах борьбы с врагами социализма, показе массам зла с «разоблачением всяческих „махинаций“ классового врага и его агентуры, укрепляя бдительность масс, укрепляя их преданность делу социалистического строительства» [40, с. 16].

О складывающейся политике двойных стандартов, избирательности действия принципа гласности уголовного судопроизводства свидетельствует комментарий В. И. Ленина к проекту Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.: «Основная мысль, надеюсь, ясна, несмотря на все недостатки черняка: открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы. <...> Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас» [41, с. 190].

К сожалению, СМИ также не были способны выступить в качестве средства реализации гласности. Так, в письме к секретарю ЦК ВКП(б) В. М. Молотову В. И. Ленин писал: «По-моему, обязательно назначить персонально ответственного редактора, отвечающего за толковое изложение речей, сокращенное, с устранением всего не вполне подходящего для

гласности» [42, с. 216], — по-сути, возвращаясь к политике цензуры печати, примененной Правительством Российской империи в период контрреформ XIX в. Более того, советской властью были созданы Трибуналы печати, о чем мы уже говорили в начале данного исследования.

Тем не менее в 1922 г. принимается Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (УПК РСФСР) [43], формально не содержащий термина «гласность», однако по факту впервые после Октябрьской революции 1917 г. на законодательном уровне закрепивший не только гласность судебного заседания и приговора суда, но и основания ограничения ее действия (ст. 19—21, 443).

Нововведения допускали удаление публики из зала на все время судебного заседания или только на его часть. Основаниями такого ограничения являлись: 1) необходимость сохранения военной, дипломатической и государственной тайны; 2) рассмотрение дел о преступлениях, связанных с нарушением права на половую неприкосновенность; 3) недостижение лицом 14-летнего возраста. Независимо от оснований проведения закрытого судебного заседания приговор провозглашался публично (ст. 21 УПК РСФСР 1922 г.). УПК РСФСР 1923 г. [44] продублировал принцип гласности судебного разбирательства и норм, ограничивающих его реализацию (ст. 19—21, 115). Требование о публичности судебного разбирательства и вынесенного судом приговора содержалось и в ст. 14 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1924 г. [45].

Не получили процессуальной регламентации, однако активно применялись и другие средства реализации гласности уголовного судопроизводства. Среди рабочих и красноармейцев пользовались популярностью постановочные судебные заседания ранее реально рассмотренных уголовных дел, вызвавших интерес общественности [46, с. 102—110].

В целях усиления воспитательного эффекта гласности судебного разбирательства в судах общей юрисдикции законодатель указывал судам на необходимость проведения заседаний по наиболее важным делам «в местах, наиболее близких району совершения преступления и наиболее доступных для широких масс населения: станционных помещениях, железнодорожных клубах и т. п. с предварительным оповещением о дне и месте слушания дел в местных органах печати» (ст. 2 Циркуляра «О борьбе с хищениями на транспорте» [47]). Особое внимание уделялось резонансным уголовным делам, рассмотрение которых осуществлялось непосредственно на предприятиях, стройках, совхозах. Так, в период с 1925 по 1927 г. в

Ленинградской губернии третья часть всех уголовных дел была рассмотрена народными судами на выездных сессиях [48, с. 38—39].

Кроме того, усилилось значение такого средства обеспечения гласности судопроизводства, как опубликование отчетов и материалов судебных заседаний в прессе. Проблемам права того времени было посвящено множество журналов, публикующих хронику судебных заседаний и описывающих выездные сессии. Подобные издания были предназначены правоведам («Право и жизнь», «Советское право», «Право и суд», «Бюллетень», «Вестник», «Еженедельник Советской Юстиции» и др.), а также правоприменителям и гражданам, желающим ознакомиться с текущими вопросами юридической практики («Пролетарский суд», «Суд идет», «Рабочий суд» и др.) [49, с. 76]. Стараясь поднять авторитет судебных органов, власть демонстрировала обществу пресечение выявленных нарушений, систематически публиковала информацию об ошибках, допущенных в ходе следствия и судебного разбирательства, установленных злоупотреблениях и последствиях, возникающих после этого для должностных лиц.

По мнению некоторых ученых, еще одним средством реализации гласности уголовного судопроизводства в этот период являлось участие граждан в судебных разбирательствах в качестве общественных обвинителей и защитников. В соответствии с Инструкцией «О Революционном Трибунале» при нем учреждалась коллегия правозаступников, которая формировалась «путем свободной записи всех лиц, желающих оказать помощь революционному правосудию и представивших рекомендации Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов» (ст. 7). Кроме указанных правозаступников в качестве обвинителя и защитника могли быть привлечены лица, присутствующие в зале заседания (ст. 10). Согласно другим нормативным актам обвинителями и защитниками могли стать все неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими правами (п. 3 Декрета «О суде»).

Указанная форма участия общественности в судебном разбирательстве рассматривается некоторыми учеными как проявление гласности нового уголовного судопроизводства [27, с. 151; 10, с. 15]. Разделяя позицию З. В. Макаровой [50, с. 13], отметим, что гласность уголовного судопроизводства — это доступность уголовного процесса для всех граждан, а также возможность обсуждения ими хода и его результатов. Между тем деятельность обвинителя и защитника, избираемых из круга политически активных и революционно настроенных представителей общественности,

осуществлялась исключительно в соответствии с революционным правосознанием.

Согласно ст. 1 Инструкции «Об организации обвинения и защиты на суде» [51] обвинителем могло быть лицо, наделенное избирательным правом, имеющее политический опыт работы в пролетарских организациях партии, профессиональных союзах, рабочих кооперативах, фабрично-заводских комитетах и советских учреждениях, а также соответствующую теоретическую и практическую подготовку. Кроме того, в качестве обвинителей могли привлекаться представители возбудивших уголовное преследование советских учреждений и профессиональных организаций (ст. 3 Инструкции «Об организации обвинения и защиты на суде»).

В роли защитника могли выступать включенные в предварительный список граждане, которые по своей профессии, образовательному, партийному или служебному стажу были готовы для исполнения этих обязанностей. Предварительные списки составлялись народными судьями, революционными трибуналами, профессиональными и партийными организациями, коллективами сотрудников советских учреждений (ст. 5, 6 Инструкции «Об организации обвинения и защиты на суде»).

Определенный отпечаток на участие защитника и обвинителя в уголовном деле накладывала доктрина, доминирующая в то время в науке уголовного процесса. Защитник рассматривался не как оппонент обвинителя, отстаивающий права обвиняемого, а в качестве помощника пролетарскому суду в выяснении всех обстоятельств по делу. Обвинителю отводилась незначительная роль. Его основной задачей, в соответствии с революционной идеологией, являлся не надзор за законностью деятельности правоохранительных органов, а лишь доведение до суда сути обвинения. Приведенная позиция власти свела на нет участие в суде обвинителя, присутствие которого было зафиксировано лишь в 20 % состоявшихся судебных заседаний [27, с. 95, 96].

Перечисленные положения позволяют сделать вывод о том, что к участию в судопроизводстве по уголовному делу в качестве обвинителя и защитника допускался ограниченный круг лиц (представители, пусть и значительной, но лишь части общества, воспринимающей деятельность правоохранительных органов сквозь призму революционного правосознания). Гласность же подразумевает восприятие (непосредственное или через освещение в печати) судебного разбирательства большим числом граждан вне зависимости от их политических воззрений,

классовой принадлежности, гендерных различий или материального состояния.

Участие общественности в судебном разбирательстве имело и другие формы проявления. Часто решение об ответственности подсудимого, как и во времена общинного строя, принималось всеми присутствующими в судебном заседании лицами на основе прямого голосования. В целях реализации названного права граждан в печати размещались объявления о предстоящем рассмотрении судом уголовного дела и процедуре планируемого мероприятия [10, с. 13, 14].

В феврале 1922 г. ВЧК реорганизуется в Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР, а уже в октябре 1922 г. наделяется полномочиями внесудебной расправы и расстрела лиц, задержанных на месте преступления при совершении бандитских налетов и вооруженных ограблений. В 1927 г. эти полномочия распространились на дела о «вредительстве», а в 1929 г. в структуре ГПУ появились «тройки» и особые совещания [52].

Несколько позже в продолжение политики упрощения процесса принимается Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре [53], определившее процессуальные особенности производства дел в военных трибуналах. По некоторой категории преступлений проведение следствия стало необязательным, произошло отступление от начал гласности и состязательности судопроизводства (ст. 25 Положения о военных трибуналах и военной прокуратуре).

Со временем политика двойных стандартов в уголовном судопроизводстве была фактически признана некоторыми официальными лицами страны. Так, заместитель наркома юстиции РСФСР Н. В. Крыленко в 1928 г. писал: «...в критические моменты борьбы пролетарская власть предпочитает прибегать к процессуальной технике ВЧК и ГПУ, где, как известно, формальные гарантии отсутствуют почти совершенно». Выступая за верховенство принципа «революционной необходимости», Н. В. Крыленко предлагал сделать процесс еще более жестким, давая возможность «без лишних слов бороться с покушениями на революцию». Достижение названной задачи он видел в нормативном закреплении двух процессов, один из которых соответствовал «процессуальной технике ВЧК и ГПУ». При этом гласность и состязательность, по его мнению, предоставляли неоправданно много возможностей для уклонения обвиняемых от преследования [27, с. 17].

Продолжающаяся в условиях диктатуры рабочего класса культивация репрессивных начал

уголовного судопроизводства обусловила внесение в 1934 г. в УПК республик Советского Союза изменений [54], узаконивших в расследовании и рассмотрении дел о террористических организациях и террористических актах против работников советской власти упрощенное предварительное следствие сроком до 10 дней, запрет на участие сторон в слушании дела (по сути, устранивший публичность судебного разбирательства), запрет кассационного обжалования приговоров и подачи ходатайств о помиловании, незамедлительное исполнение приговора о высшей мере наказания.

В скором времени в целях «революционной необходимости» «тройки» и особые совещания получили беспрецедентные полномочия, позволяющие без следствия путем формирования списков общественно опасных лиц решать вопросы об их высылке, ссылке, заключении в исправительно-трудовые лагеря на срок до пяти лет и высылке за пределы СССР (ст. 1 Постановления «Об Особом Совещании при НКВД СССР» [55], «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» [56], Оперативный приказ НКВД СССР № 00486 [57] и др.).

Репрессивное судопроизводство осуществлялось в разрез с требованиями уголовно-процессуального законодательства, что обусловило его негласность. В результате по истечении многих лет вынесенные «тройками» и Особым совещанием решения подверглись справедливой критике и отмене [58].

С учетом того что деятельность «троек» и особых совещаний имела нормативную регламентацию, а решения (влекущие существенные юридические и фактические последствия) носили общеобязательный характер, эту деятельность можно отнести к судопроизводству, однако осуществляемому в условиях отсутствия гласности.

В завершение отметим, что нормативная регламентация средств обеспечения гласности уголовного судопроизводства в период становления советского государства была слабо выражена и ограничивалась лишь требованием публичности судебных разбирательств, а также оглашением вынесенных приговоров. По факту в уголовном судопроизводстве применялись следующие средства обеспечения гласности: 1) публичность судебного заседания (ограниченная в случаях необходимости сохранения военной, дипломатической и государственной тайны; рассмотрения дел о преступлениях против половой неприкосновенности; запрета присутствия в суде лиц, не достигших 14 лет) и оглашения приговора суда; 2) выездные судебные заседания; 3) опубликование в прессе приговоров, отчетов и

материалов судебных заседаний; 4)
постановочные судебные заседания.

Список библиографических ссылок

1. О суде: декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
2. Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.: постановление Наркомюста РСФСР от 12 декабря 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 66, ст. 590.
3. Устав уголовного судопроизводства: закон от 20 ноября 1864 г. № 41476 // Полн. собр. законов Российской империи. Собр. II. Т. XXXIX. Отд. 2. 1864 г. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1867. 822 с.
4. О суде: декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.
5. О фронтовых полковых (отрядных) местных судах (положение): приказ Народного Комиссариата по военным делам РСФСР от 23 июля 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 55. Ст. 612.
6. Вышинский А. Роль процессуального социалистического закона в государстве рабочих и крестьян // Социалистическая законность. 1937. № 3. С. 1—11.
7. История Советского государства и права. М.: Наука, 1968. Кн. 1. 607 с.
8. О суде: декрет СНК РСФСР от 13 июля 1918 № 3 // СУ РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.
9. Обь организации гласных товарищеских судов во всех воинских частях Петроградского военного округа: приказ Главнокомандующего Петроградским военным округом от 3 декабря 1917 г. № 13. URL: <http://sssr.regnews.org> (дата обращения: 08.02.2017).
10. Сегал О. А. Проблемы реализации гласности в уголовном процессе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. 198 с.
11. О революционном трибунале печати: инструкция Наркомюста РСФСР от 18 декабря 1917 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. О Революционном Трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний: инструкция Наркомюста РСФСР от 19 декабря 1917 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. О Революционном Трибунале Печати: декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР от 28 января 1918 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Положение о революционных трибуналах РСФСР от 21 февраля 1919 г. URL: <http://www.rusarchives.ru> (дата обращения: 09.02.2017).
15. О революционных трибуналах (положение): декрет ВЦИК от 12 апреля 1919 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Положение о Революционных Военных трибуналах: декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 20 ноября 1919 г. URL: <http://istmat.info> (дата обращения: 09.02.2017).
17. О революционных трибуналах (положение): декрет ВЦИК от 18 марта 1920 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. О Революционных Военных Железнодорожных Трибуналах (положение): декрет Всероссийского Центрального исполнительного комитета от 18 марта 1920 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
19. Об организации и действии местных народных судов (инструкция): постановление Наркомюста РСФСР от 23 июля 1918 г. № 597. URL: <http://istmat.info/node/30669> (дата обращения: 10.02.2017).
20. О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (положение): декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.
21. Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: декрет ВЦИК от 21 октября 1920 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
22. Крыленко Н. В. Суд и право в СССР: теоретический и практический комментарий к основам судостроительства, судопроизводства и материального уголовного права СССР. Ч. 1. Основы судостроительства. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 164 с.
23. Гессен И. В. Судебная реформа. СПб.: Типо-Литография Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1905. 265 с.
24. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Типография т-ва «Общественная Пльза», 1912. Т. 1. 578 с.
25. Викторский С. И. Русский уголовный процесс. Изд. 2, испр. и доп. М.: Типография Императорского Московского Университета, 1912. 439 с.
26. Тальберг Д. Г. Русское уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. Киев: Товарищ. печ. дела торг. и торг. И. Н. Кушнерев и К, 1889. Т. 1. 318 с.
27. Крыленко Н. В. Суд и право в СССР: теоретический и практический комментарий к основам судостроительства, судопроизводства и материального уголовного права СССР. Ч. 2: Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 157 с.

28. Чельцов-Бебутов М. А. Уголовный процесс. М.: Юрид. изд-во Министерства Юстиции СССР, 1948. 624 с.
29. Перлов И. Д. Подготовительная часть судебного разбирательства в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1956. 184 с.
30. Чангули Г. И. Конституционные принципы уголовного судопроизводства зарубежных социалистических государств / отв. ред.: В. В. Леоненко. Киев: Наук. думка, 1981. 211 с.
31. Смирнов А. В. Комментарии к ст. 241 УПК РФ // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Смирнова. М., 2009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
32. О революционных военных трибуналах (положение): постановление Реввоенсовета РСФСР от 4 февраля 1919 г. // Известия ВЦИК. № 32. 12.02.1919.
33. О создании Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК): постановление Совета Народных Комиссаров от 20 декабря 1917 г. URL: <http://rusarchives.ru> (дата обращения: 07.02.2017).
34. Социалистическое отечество в опасности!: декрет от 21 февраля 1918 г. URL: <http://www.hist.msu.ru> (дата обращения: 07.01.2017).
35. О Красном терроре: постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР от 5 сентября 1918 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
36. О Всероссийской Чрезвычайной Комиссии: постановление ВЦИК от 17 февраля 1919 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
37. Протокол заседания Революционного Трибунала при ВЦИК от 27 ноября 1918 г. // Красная книга ВЧК. 2-е изд. М.: Политиздат, 1989. Т. 1. 416 с.
38. Ленин В. И. Из письма И. С. Уншлихту // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1978. Т. 54. 880 с.
39. Ленин В. И. П. А. Богданову // Полное собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1978. Т. 54. 880 с.
40. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 220 с.
41. Ленин В. И. Дополнения к проекту вводного закона к Уголовному кодексу РСФСР и письма Д. И. Курскому // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1970. Т. 45. 729 с.
42. Ленин В. И. В. М. Молотову // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1970. Т. 52. 551 с.
43. Об Уголовно-процессуальном кодексе (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом Р.С.Ф.С.Р.): постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
44. О введении в действие Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с Уголовным кодексом Р.С.Ф.С.Р.): постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
45. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: постановление Президиума ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
46. Вилкова Т. Ю. Принцип гласности в советском уголовном процессе в период действия УПК РСФСР 1923 года // Юридическая наука. 2016. № 2.
47. О борьбе с хищениями на транспорте: циркуляр Наркомюста РСФСР от 22 февраля 1923 г. № 35. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
48. Володина А. Н. Гласность уголовного судопроизводства: правовая природа, содержание и проблемы реализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 267 с.
49. Картавцов И. Русские журналы в 1925 году (библиографический обзор) // Ежегодник Государственной центральной книжной палаты РСФСР: книга в 1925 г.: статьи, статистические материалы, систематический указатель книг и журнальных статей / под ред. А. А. Боровского, Е. И. Шамурина и Н. Ф. Яницкого. 696 с.
50. Макарова З. В. Гласность уголовного процесса: концепция и проблемы развития : автор. дис. ... д-ра юрид. наук : Екатеринбург, 1996. 44 с.
51. Инструкция об организации обвинения и защиты на суде: постановление Наркомюста РСФСР от 23 ноября 1920 г. URL: <http://lawru.info/dok> (дата обращения: 07.02.2017).
52. Исаев М. А. История Российского государства и права: учебник. М.: Статут, 2012. 840 с.
53. Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре: постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 20 августа 1926 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
54. О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик: постановление ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. // СЗ СССР. 1934. № 64. Ст. 459.
55. Об Особом Совещании при НКВД СССР: постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 05.11.1934 № 22 // СЗ СССР. 1935. № 11. Ст. 84.
56. Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов: оперативный приказ Народного комиссара внутренних дел Союза С.С.Р. утвержденный

Политбюро ЦК КПСС СССР от 30 июля 1937 г. № 00447. URL: <https://interneturok.ru> (дата обращения: 22.01.2017).

57. Об операции по репрессированию жен и детей изменников родины: оперативный приказ НКВД СССР от 15 августа 1937 г. № 00486. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org> (дата обращения: 24.01.2017).

58. Дело по обвинению в тайном похищении чужого имущества прекращено ввиду отсутствия в деяниях обвиняемых состава преступления: постановление Президиума Нижегородского областного суда от 23 октября 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Колосович М. С., 2017